

Сюжет и мотив: теория, типология, систематизация

УДК 821.512.145

DOI 10.25205/2410-7883-2019-2-166-177

М. И. Ибрагимов

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
Казань, Россия*

Мотивы лирики Габдуллы Тукая (к проекту словаря-указателя мотивов) *

Рассматривается вопрос о мотивах лирики Габдуллы Тукая в связи с проектом словаря-указателя мотивов. На основе мотивно-тематического анализа указываются два способа репрезентации мотивов: эксплицитный и имплицитный. Выявляется влияние восточной поэтики и характерных для арабо-мусульманской культуры принципов смыслообразования на семантику лирических мотивов Г. Тукая. Определяются факторы, обуславливающие мотивы: роль литературной традиции, биографический, культурно-исторический контексты.

Ключевые слова: лирический мотив, Габдулла Тукай, татарская поэзия, указатель мотивов.

В Институте языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан группой исследователей начата работа над проектом словаря-указателя мотивов лирики Габдуллы Тукая. На начальном этапе работы над проектом необходимо проблематизировать ключевые для его реализации вопросы. Данная статья написана именно с этой целью.

В существующих немногочисленных трудах, посвященных мотивам лирики Г. Тукая [Абдуллина, 2013; Загидуллина, 2011; Ганиева, 2014], исследователи не ставят вопрос о содержании понятия «лирический мотив», что, возможно, связано с его терминологической неопределенностью. Об условности и недостаточной определенности термина «мотив», приводящей к его широкому толкованию в трудах о творчестве М. Ю. Лермонтова (во-первых, «для обозначения группы стихотворений, связанных тематическим единством, – “провиденциальные мотивы”, “тюремные мотивы” – и, во-вторых, для характеристики целого ряда разновременных произведений, имеющих открытый политический или социально-публицистический характер: так называемые гражданские мотивы, политические мотивы») написано, например, во вводной части статьи «Мотивы поэзии Лермон-

---

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта № 18-412-160012.

Ибрагимов Марсель Ильдарович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий отделом текстологии, Институт языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан (ул. Карла Маркса, 12, Казань, 420111, Россия, mibragimov1000@mail.ru)

това» в Лермонтовской энциклопедии [1981, с. 290]. Известный российский литературовед Ю. Н. Чумаков относит мотив к категории семантически перегруженных терминов: «Обычно пишут о трудноуловимости таких “предметов”, как мотив, дискурс и мн. др., но это же можно сказать о категории лирического сюжета. Впрочем, основания неуловимости мотива и дискурса, с одной стороны, и лирического сюжета, с другой, разводятся на полюса: мотив и дискурс плохо поддаются определению, прежде всего, из-за их семантической перегруженности, из-за избыточности пересекающихся линий, а лирический сюжет в теоретических построениях по преимуществу отсутствует, и там, как в случае с еще не открытыми элементами в таблице Менделеева, – пустое место»¹.

Выход из сложившейся ситуации современные исследователи видят в понимании мотива с опорой на «его собственные сущностные признаки» и в согласии с понятием повествовательного мотива [Силантьев, 2009, с. 39–40]. И. В. Силантьев объясняет специфику мотива в лирике существом лирического события, которое «по своей природе принципиально отличается от события в составе эпического повествования» (основой лирической событийности, по И. В. Силантьеву, выступает «дискретная динамика состояний лирического субъекта»), и указывает на особый, отличный от повествовательных текстов, характер отношения мотива и темы в лирике: «Всякий мотив в лирике исключительно тематичен, и любому мотиву здесь можно поставить в соответствие определенную тему. И наоборот, лирическая тема как таковая исключительно мотивна по своей природе, и мотивы как предикаты темы развертывают ее через действие – конечно, применительно к лирическому субъекту» [Там же, с. 40–41].

Идея о тематичности мотива в лирике представляется перспективной при создании указателей лирических мотивов. В российском литературоведении имеется опыт (продолжающийся) создания словаря-указателя повествовательных мотивов [Словарь-указатель..., 2006]. В проблематизирующей вопрос о словаре мотивов статье В. И. Тюпы выделяется ряд концептуальных для данного научного проекта положений:

- категория мотива в словаре выступает в диахронном аспекте («Достаточно представительный “словарь мотивов” может быть, строго говоря, только словарем мотивов и сюжетов (фабул) или, еще точнее, интертекстуальных семантических повторов»);
- повторяемость мотива имеет функционально-семантический характер («Мотив – это прежде всего повтор. Но повтор не лексический, а функционально-семантический: один и тот же традиционный мотив может быть манифестирован в тексте нетрадиционными средствами, одна и та же фабула может быть “разыграна” не свойственными ей персонажами»);
- категория мотива «предполагает тема-рематическое единство», причем «ведущая роль в этом единстве принадлежит предикативному компоненту (реме)». («“Быть сыном”, например, составляет тематический компонент мотива блудного сына, а “быть блудным” – предикативный...») Иначе говоря, в текстах художественных высказываний мы имеем дело не с мотивами сына, царя или цветка, но с мотивами, например, блудного сына, гордого царя или цветка на могиле возлюбленной и т. п.);
- художественный текст «являет собой органический сплав традиционного и инновационного» («На одном полюсе здесь собственно словарь интертекстуальных мотивов, составляющих в своих синхронных и диахронных переплетениях, взаимоналожениях, контаминациях и противостояниях живую ткань литера-

---

¹ Чумаков Ю. Н. В сторону лирического сюжета. URL: <http://yuriychumakov.ru/v-storonu-liricheskogo-syuzheta> (дата обращения 14.10.2019).

турной традиции... На другом полюсе – авторские инновации: такие семантические единицы художественного языка, возведение которых к какому-либо традиционному комплексу мотивов представляется неосуществимым») [Тюпа, 2006, с. 170–178].

В какой степени эти положения применимы к указателю лирических мотивов? Возможно, только положение о ведущей роли ремы в повествовательных мотивах требует применительно к лирическим мотивам корректировки с учетом того, что «лирическая тема принципиально и предельно рематична, и в этом отношении она функционально сливается с лирическим мотивом» [Силантьев, 2009, с. 41]. Принимая во внимание утверждение об эксплицитном характере лирической темы, могут ли за основу такого словаря быть взяты «словесные темы» или «ключевые слова»?

Например, слово «өмид» (надежда) повторяется в стихотворениях Г. Тукая 20 раз, но не в каждом стихотворении это слово выступает в качестве мотива. К стихотворениям, объединенным темой (и соответствующим ей мотивом) надежды, следует в первую очередь отнести те, в которых это слово вынесено в название: «Өмид» («Надежда», 1910) и «Олугъ юбилей мөнәсәбәте белән халык өмидләре» («Надежды народа по случаю великого юбилея», 1913).

Первое содержит глубоко-личностные переживания, имеющие отношение к миру ценностей. Лирический субъект изображен в состоянии ценностного кризиса:

Мин карангы хәзер; үтсен бу таң атмас кичәм; / Таш йотам, икмәк белеп, һәм зәһр эчәм, саф су дисәм // Бер тигез жирдер дисәм, бассам аягымны – бата; / Күп вакытны сискәнәм, яңлыш тотып “кош” дип бака // Кап-карангы. Уңны-сулны күрмим – астны-өстне мин; / Иркәлим дошманны, чәнчәм чын хәкыйкәт дустны мин

Я во тьме сейчас; пусть пройдут эти беспросветные сумерки; / Глотаю камень, принимая его за хлеб, и пью яд, думая, что это вода // Желая ступить на ровную землю, я проваливаюсь; / Часто вздрагиваю оттого, что пойманная «птица» оказывается жабой. // Непроглядная тьма. Не видно, где право, где лево, где верх, где низ / Ласкаю врага, а настоящего друга бью (кинжалом) (Тукай, 2011, т. 1, с. 241) ².

Четырежды лирический субъект обращается к «солнцу мысли»:

Чыкчы, и фикрем кояшы! Китсен өстеңнән болыт
Взойди, о солнце моей мысли! Пусть рассеется над тобой туча;

И минем яктыртучым! Тик син миңа һәр жирдә шәм
О, мой светоч! Только ты везде для меня свеча;

Бер йөзең күрсәтсәнә, тугъсын гүзәл көннәр минем
Покажи свое лицо, пусть наступят для меня прекрасные дни;

Юк, кояшым, мин беләм: син батмагансын мәнгегә
Нет, мое солнце, я знаю: ты не закатилось навсегда.

В трех обращениях присутствует компонент со световым (в двух случаях – солярным) значением. Солярная символика в татарской поэзии начала XX в. традиционно часто использовалась для выражения просветительского идеала [Юсупова, 2018, с. 167–168]. Семантическая оппозиция «свет / тьма» становится в этом стихотворении смыслообразующей. Свету мысли (как идеалу) автор противопоставляет самоощущение лирического субъекта как пребывания во тьме:

² Здесь и далее переводы с татарского на русский выполнены автором статьи.

Мин карангыда хэзер; үтсен бу тан атмас кичәм...
Я во тьме теперь; пусть пройдет этот беспросветный вечер;

Кап-карангы. Уңны-сулны күрмим – асты-өстне мин
Непроглядная темень. Не видно, где право, где лево, где верх, а где низ.

В последних двух строфах стихотворения происходит изменение состояния лирического субъекта:

Юк, кояшым, мин беләм: син батмагансың мэнгегә; / Син дә, вөждан, бер
торырсың: ятмагансың мэнгегә. // Юк! Түбән калмас бу жан: фитърэттә гали булган
ул / Кисмәк өстендә каракош – итифакый кунган ул

Нет, мое солнце, я знаю: ты не закатилось навечно / И ты, совесть, когда-нибудь
воскреснешь: не уснула навсегда. // Нет! Не будет низкой эта душа: она велика
с момента создания, / Орел лишь случайно сел на кадку.

Звучащая в этих строках надежда на духовное пробуждение усиливается посредством реминисценции: образ орла, случайно севшего на кадку, взят Г. Тукаем из басни И. Крылова «Орел и куры» (среди вольных прозаических переводов басен И. Крылова Г. Тукаем есть перевод и этой басни. В переводе Тукая «царь птиц», который опустился с небес, чтобы отдохнуть, в ответ на насмешки куриц говорит: «Порой и нам приходится опускаться даже ниже куриц. Но курицам никогда не суждено подняться до облаков»).

Таким образом, лирическое событие этого произведения заключается в смене ментального состояния лирического субъекта: переживаемый им в начале стихотворения кризис сменяется надеждой на духовное возрождение, залогом которого является вера в божественное величие человеческой души.

Второе стихотворение – «Олугъ юбилей мөнәсәбәте белән халык өмидләре» («Надежды народа по случаю великого юбилея», 1913) – было написано по случаю широко отмечавшегося в стране трехсотлетия династии Романовых. Это панегирическое стихотворение, в котором автор прославляет действующего императора Николая II и всю царствующую династию. Вынесенный в заглавие мотив надежд народа семантизируется как надежда на расширение прав татар в империи:

Шул халыкныкымы хокукка хаккы юк? – / Хаккыбыз уртак ватанда шак-
тый ук!

Разве не достоин этот народ (татары. – М. И.) справедливости? – / В нашей
общей отчизне у нас есть не меньше прав! (на справедливость. – М. И.) (Тукай,
2011, т. 2, с. 282).

В отличие от стихотворения «Өмид» это стихотворение может быть отнесено к корпусу произведений с политической тематикой, в которых субъектом сознания выступает человек, отстаивающий национальные интересы татар, их политические и социальные права. Социально-политический дискурс, представленный уже в раннем творчестве Г. Тукая («Слово друзьям», «О единстве», «О свободе»), в значительной степени был обусловлен политическими реформами 1905 г., сыгравшими немалую роль в подъеме национального самосознания татар в годы Первой русской революции. Не случайно стихотворение «Надежды народа по случаю великого юбилея» начинается с упоминания Манифеста 1905 г. (Высочайшего Манифеста об усовершенствовании государственного порядка):

Кардан ак, сөттән дә аграк, актан ак / Падишаһ ачты «Мөнәфис» нам канат
Белее снега, белее молока, белее самого белого / Царь открыл нам «Манифестом».

Эта аллюзия отсылает читателя к строкам из стихотворения «Слово друзьям» (1905):

Сюжет и мотив: теория, типология, систематизация

Бездә күзе ачык кешеләр дә бардыр, / Бу заманда гафилләргә дөнья тардыр; / Бу хөррият – Манифесте государьдыр, – / Кадрен белеп, кирәкләрне сорыйк имди

Есть и у нас люди с открытыми глазами; / В наши дни нельзя быть пассивными; / Эта свобода – Манифест государя – / Давайте ценить его и просить, что нам нужно (Тукай, 2011, Т. 1, с. 55).

Еще одно стихотворение, в названии которого присутствует слово «өмид» – «Өзелгән өмид» («Разбитая надежда», 1908) – следует отнести к другой группе стихотворений: объединенных темой (и мотивом) безнадежности. К таковым, например, относится стихотворение «Өмидсезлек» («Безнадежность», 1910).

В обоих стихотворениях лирический субъект изображается как человек, трагически переживающий девальвацию значимых для него ценностей: любви, творчества, правды.

«Өмидсезлек»:

Калмасын дустлык, мэхэббэт, чын сөешмәк дөньяда / Бу жәһәннәмдер, түгел
Ширин илә Фәрһад жир // И каләм, син хакны язма, күз буя, юк-барны яз, / Бумыни соң тугъры эшгарны язып иншад жире?..

Пусть не останутся на свете дружба, любовь / Этот мир – ад, а не место для Ширин и Фархада // О перо, не пиши правду, обманывай, пиши о мелочном / Это ли место для того, чтобы писать привидные стихи?! (Тукай, 2011, т. 2, с. 131).

«Өзелгән өмид»:

Нинди дэрт берлән каләм сызсам да кәгазь өстенә, / Очмый әүвәлге жүләр, саф, яшь мэхэббэт чаткысы. // И мөкаддәс моңлы сазым! Уйнадың син ник бик аз? / Син сынасың, мин сүнәмен, айрылабыз ахрысы!

С какой бы страстью я ни водил пером по бумаге, / Не летят прежние искры безумной, чистой любви // О, мой священный, печальный саз! Почему ты так мало играл? / Ты надломлен, я гасну. Кажется, мы расстаемся с тобой! (Тукай, 2011, т. 2, с. 152).

Стихотворение «Өмидсезлек» начинается с обращения лирического субъекта к своей душе:

Тәндә жаным, чык та Тәңренә юнәл, бар, кайт кире!
Душа, что в моем теле, выйди и вернись к своему Создателю!

Это обращение выдержано в традициях мусульманского дискурса: согласно мусульманским эсхатологическим представлениям, душа человека в Судный день возвратится в место своего отправления (см. в Коране: «Как вы не веруете в Аллаха? Вы были мертвыми, и Он оживил вас, потом он умертвит Вас, потом оживит, потом к Нему вы будете возвращены» (2:18)). Судный день упоминается и в седьмой строфе стихотворения:

Сез дә, мәзлүмнәр гөрүһы, хак өчен кул сузмагыз, / Тик кыямәт көнгә калды хаклар истирдад кире
И вы, униженные, не ищите справедливости / Только в Судный день вы сможете вернуть ее.

В заключительной строфе стихотворения звучит обращение к перу:

И каләм, син хакны язма, күз буя, юк-барны яз”
О перо, ты не пиши правды, пиши для отвода глаз, о всяких пустяках.

Образ пера – один из повторяющихся в раннем творчестве Г. Тукая: “Хәзерге хәлемезгә даир” («О нынешнем положении»), “И каләм!” («О перо!»). В этих стихотворениях перо выступает как символ высокой миссии поэта, понимаемой

в контексте просветительских идеалов (в первую очередь, идеала служения нации). Возвышенная семантика этого образа создается посредством мусульманского культурного кода: в стихотворении «О нынешнем положении» содержится аллюзия на 68-ю суру Корана – «Нун» («Перо»), в которой Всевышний клянется пером:

Каләм – хөкем йөртүче Жир йөзөндә / Аның белән ант ителгән «Нүн» сүрәсендә
Перо правит Миром / Им принесена клятва в суре «Нун».

В шестой строфе стихотворения «О перо!» в обращении к перу присутствует призыв писать правду:

Яз караны «кара» дип һәм акны ак / Жөпне «жөп» дип һәм шулай ук такны так
Пиши, что черное это черное, а белое – белое / Четное – это четное, а нечетное – нечетное.

В связи с этим звучащий в конце стихотворения «Безнадежность» императив («О перо, ты не пиши правды...») воспринимается как отрицание возможности выполнения сакральной миссии поэтического творчества – быть источником истины.

В стихотворении «Разбитая надежда» лирический субъект также стремится найти опору для преодоления духовного кризиса. В последней строфе отчаяние сменяется катарсическим состоянием, в основе которого сентиментальное и одновременно возвышенное чувство к матери (Г. Тукай рано осиротел: его отец, мулла Мухамметгариф, умирает, когда будущему татарскому поэту исполнилось четыре месяца, мать, Мамдуда – когда Габдулла не достиг четырехлетнего возраста):

Бар күнелләрдән жылы, йомшак синең кабрең ташы, – / Шунда тамсын күз
яшемнең иң ачы һәм татлысы
Всех сердец теплее и мягче твой надмогильный камень, – / Пусть капают на него
самые сладостные и горькие мои слезы.

Мотив безнадежности, с одной стороны, можно рассматривать в связи с обстоятельствами личной жизни поэта. Круг общения у приехавшего в конце 1907 г. из Уральска в Казань Тукая был разнообразным: среди его новых друзей и знакомых были не только высокообразованные интеллигенты (писатели Ф. Амирхан и Г. Камал, издатель А. Хасани и др.), но и отдельные представители татарской молодежи, которые, не имея определенного направления в жизни, вели праздную жизнь. Если в первые месяцы жизни в Казани Г. Тукай проявлял интерес к этому кругу, то впоследствии он стал тяготиться им. Свидетельством этого, например, является его письмо находившемуся в то время на лечении в Серноводске татарскому писателю Ф. Амирхану (от 23 июня 1908 г.), в котором поэт жалуется на хандру и с отчаянием пишет о бесцельно прожитом времени: «Думаю, думаю и говорю себе: “Боже милосердный! Неужто искра таланта, которую я сберег несмотря на сиротство, нищету, голод, несмотря на то, что меня продавали из деревни в деревню, что я работал у бездушных татарских баев, чах в татарском медресе, угаснет теперь среди пьянства и пьяных товарищей, чтобы никогда не вспыхнуть вновь?” Вот уже год как я переливаю из пустого в порожнее» (Тукай, 2016, т. 5, с. 202).

С другой стороны, эти переживания обусловлены начавшейся после революции 1905–1907 гг. реакцией (см. в стихотворении «Өмидсезлек»: «Тәндә жаным, чык та Тәнренә юнәл, бар, кайт кире! / Китте жаннар азыгы, һәм кайтты истибад кире» – «Душа моя, покинь тело и вернись к своему Творцу! / Ушла пища для души, и вернулась тирания»).

Выделение в качестве отдельных мотивов в предполагаемом словаре мотивов надежды и безнадежности не вызывает затруднений: в приведенных стихотворе-

ниях тема (и, соответственно, релевантный ей мотив) эксплицируются в самих названиях. Вместе с тем подобного рода экспликация присутствует не во всех стихотворениях Г. Тукая. Рассмотрим одно из таких произведений – стихотворения «Бер мән» (1910). Русскоязычному читателю это стихотворение татарского поэта известно в переводе Д. Бродского под названием «Неведомая душа»³.

В «Этимологическом словаре татарского языка» указывается два значения слова «мән»: «значение, смысл (слова)» (восходит к араб «ма'на» – смысл); «человек, лицо»⁴. В обоих переводах актуализируется второе значение слова «мән». Действительно, центральным образом стихотворения является некто, являющийся лирическому субъекту в момент, когда он испытывает чувство неприятия мира, ненависть ко всему человечеству. Этот некто обладает телесностью («Мөжәссәм бер кешелек ул жылы жан» – «Эта душа имеет человеческую плоть»), способностью к вербальной коммуникации («Сөйләшкән сүзләре гөлдәй тамадыр» – «Прозносившие им слова льются, словно цветы»). С другой стороны, в его оценочных описаниях присутствует указание на идеальное начало:

Тисә киеме генә яңлыш тәнемгә, / Туадыр бихисап шатлык жанымда
Стоит только ему случайно дотронуться своей одеждой до меня, / Душа моя переполняется радостью (Тукай, 2011, т. 2, с. 141).

Вместе с тем внимание автора сфокусировано не столько на этом образе, сколько на лирическом субъекте. Лирическое событие в этом стихотворении заключается в изменении его состояния: от неприятия мира, отравляющей его душу ненависти, безнадежности («Өзеп барлык хәятимнан өмидне, / Димен: “Аһ, бар да бете, бар да бетте!”» – «Потеряв всякую надежду в своей жизни, / Говорю: “Ах, все кончено, все кончено!”»), он в результате коммуникации с Некто и переживаемого катарсиса приходит в финале к благодатному принятию мира: «Тибәр күңлем моңарчы бер ләгыйньчә / Тибәдер “рәхмәттән лил-галәмин” ча» («Мое сердце, одержимое до этой поры дьяволом, / Преисполнено “милостью для миров”»). Включенная в этот завершающий стихотворение фрагмент цитата отсылает читателя к 107-му аяту 21-й суры Корана («Пророки»), в котором Всевышний обращается к пророку Мухаммеду со словами: «Мы послали тебя только как милость для миров».

В результате оказывается возможной актуализация зафиксированного в Этимологическом словаре значения слова «мән» – смысл. «Бер мән» – это не только «некто» (ангел, посланник Бога). В отношении лирического события это прежде всего смысл, обретаемый лирическим субъектом в результате трансцендентальной коммуникации. Здесь, очевидно, имеет место актуализация «внутренней формы слова» (согласно А. Потебне, это «ближайшее этимологическое значение слова, тот способ, каким выражается содержание» [1990, с. 22]).

С другой стороны, при анализе принципов формирования смысла в лирике Г. Тукая необходимо учитывать и фактор влияния восточной поэтической традиции, с которой татарский поэт, безусловно, был знаком (преподаванию восточных литератур в татарских медресе уделялось большое внимание; учась в Уральске в медресе «Мутыгия», Тукай, по словам современников, брал уроки по арабской поэтике у мударриса – Мутыгуллы Тухватуллина, получившего образование в знаменитом университете «Аль-Азхар» в Каире).

³ Начиная с 1951 г. этот перевод неизменно включался во все издававшиеся сборники переводов стихотворений Г. Тукая. Лишь в изданном в 2002 г. сборнике переводов В. Думаевой-Валиевой [Тукай, 2002] название стихотворения переводится иначе – «Некто».

⁴ Этимологический словарь татарского языка. 2015. URL: <http://suzlek.antat.ru> (дата обращения 14.10.2019).

Известный российский филолог-востоковед А. Б. Куделин пишет о том, что в средневековой арабской поэтике в качестве категории, сопоставимой с понятием «мотив», выступает «ма'на» (букв. «значение», «идея»), мелкая и обычно неразлагаемая частица тематического материала [Куделин, 1983, с. 8]. «Мотивы классической арабской поэзии, – пишет А. Б. Куделин, – имеют очень устойчивый характер, и значительная их часть восходит к доисламским образцам. Средневековые арабские критики и теоретики поэзии не только ощущали повторяемость мотивов, но и исходили из нее в своих суждениях о поэтических произведениях, рекомендациях авторам» [Там же].

Становление Г. Тукая как поэта происходит в ситуации смены типов художественного сознания в татарской литературе: в конце XIX – начале XX в. традиционализм заметно ослабевает, усиливается индивидуально-творческое начало. Это не исключает возможности обращения поэтов к традиционным темам, мотивам, жанрам, однако тексты средневековой поэзии перестают восприниматься как литературный канон, о чем, например, свидетельствуют случаи сатирической трансформации известных произведений татарской средневековой поэзии в лирике Г. Тукая [Ибрагимов, 2018]. Известный татарский литературовед Р. К. Ганиева рассматривает эти случаи в связи с традициями «назира» (так в арабской и персидской поэтиках называются поэтические подражания), которые, по словам исследовательницы, могли быть как сатирическими, так и несатирическими: «Несатирическая назира, наполняясь новым материалом, развивает второй план, т. е. оригинал, приблизительно в том же направлении. Она является своеобразным подражанием, стилизацией с использованием некоторых внешних черт оригинала, а также творческим соперничеством с последним.

Сатирическая назира со своим ироническим отношением ко второму плану является не только подражанием и стилизацией, но и пародированием» [Ганиева, 1964, с. 42].

Более сложным представляется вопрос об отношении между словом и смыслом в рамках арабо-мусульманской художественной культуры. А. В. Смирновым и Н. Ю. Чалисовой в этой связи ставится вопрос об особом, отличном от европейского, понимании слова в классической мусульманской филологии. Ученые пишут, что «понятие “слово” традиционно объяснялось как единство двух элементов: “выговоренности” и “смысла”, обеспечиваемое связью между ними», которое обозначалось как «указание» (*далл*) на смысл⁵. По их мнению, слово «оказывается целостной и самодостаточной структурой»: оно «может быть определено как “нечто обладающее смыслом”, причем, чтобы обладать смыслом, слово не нуждается во внешних коррелятах – вещах, с которыми оно было бы сопоставляемо в качестве знака оных»: «Слово не существует как знак вещи; слово существует как: понятость (и понятность) смысла благодаря выговоренности»⁶.

Название стихотворения «Бер мән» в этой связи может быть рассмотрено как такого рода указание на смысл, раскрывающийся в самом лирическом событии. Где в таком случае должно располагаться это стихотворение в предполагаемом словаре?

Исходя из коммуникативной ситуации, оно может быть поставлено в один ряд со стихотворением «Шагыйрь һәм Хатиф» («Поэт и Хатиф», 1906). Это стихотворение написано в форме диалога Поэта и коммуниканта, определяемого словом «Хатиф». В академическом собрании сочинений Г. Тукая к слову «Хатиф» дается

⁵ Смирнов А. В., Чалисова Н. Ю. Подражание восточным стихотворцам: встреча русской поэзии и арабо-персидской поэтики. URL: https://smirnov.iph.ras.ru/win/publicntn/texts/vstr_nd3.htm (дата обращения 14.10.2019).

⁶ Там же.

пояснение: «күктән иңгән тавыш, яшерен тавыш» (досл.: «голос, доносящийся с неба, скрытый голос» (Тукай, 2011, т. 1, с. 76)). Очевидно, что составители тома учитывали влияние персидского языка и поэзии на раннее творчество Г. Тукая: в «Персидско-русском словаре» в качестве одного из значений этого слова выделяется «глас с неба» [Гаффаров, 1976, с. 897]. В других известных нам словарях указываются и другие значения: «кричащий, подающий голос», «тайный голос (совести, предчувствия)» [Арабско-татарско-русский словарь заимствований, 1965, с. 783], «гений, ангел-хранитель, ангел-вдохновитель»⁷. Примечательно, что в татарской поэзии начала XX в. есть еще одно стихотворение диалогической формы, в котором одним из участников коммуникации выступает Хатиф – «Хатиф вә татар» («Хатиф и татарин», 1913) Ш. Бабича. В этом стихотворении, написанном, очевидно, под влиянием стихотворения Г. Тукая, татарин обращается к Хатифу, называя его ангелом:

Юкны сөйләсен, фәрештә, бездә бик күп муллалар, / һәр авыл саен кимендә өч
указный мулла бар

Пустое говоришь, ангел, у нас очень много мулл, / В каждой деревне, по меньшей мере, есть три указных мурлы (Бабич, 1990, с. 49).

Несмотря на сходство коммуникативных ситуаций стихотворения «Бер мән» и «Шагырь һәм Хатиф» тематически разные. Темой стихотворения «Поэт и Хатиф» является религия. Поэт глубоко переживает по поводу искажения религии ишанами:

Динне бит гыйбарәт диделәр ишаннар: баш бөгүдән, / Кяферләр алдында ким-
сенеп, хурланып яшь түгүдән

Религия, говорят ишаны, состоит в подчинении, / В том, чтобы лить слезы, унижаясь перед кяфирами.

Искажение ислама современными религиозными деятелями – один из основных мотивов в раннем творчестве Г. Тукая (стихотворения «В память о “Бакыргане”», «Трутням», «Бахвалы», «На мотив песни “На миру”»). В отличие от «Поэта и Хатифа», эти стихотворения имеют сатирический характер.

С точки зрения сущности лирического события, «Бер мән» сопоставимо со стихотворением «Тәэссер» (слово отсутствует в современных татарских словарях; составители первого тома академического собрания сочинений Г. Тукая объясняют его как «тәэсирләну» (чувственно впечатляться от чего-либо) (Тукай, 2011, т. 1, с. 221)). В этом написанном как подражание лермонтовской «Молитве» стихотворении лирическое событие разворачивается как движение чувств субъекта от локальных, обусловленных жизненными невзгодами ситуаций (минут жизни) к вневременному переживанию величия Всевышнего. Чтение суры Корана выступает как преодоление эмпирического времени, которому на психоэмоциональном уровне соответствует душевное просветление и очищение лирического героя:

«Бөтенләй сафлана күндәм; укыйм иман, булам мөэмин; / Килә рәхәт
жинеллекләр: хәләс булам авыр йөкдин // Ходай! Син тыгайн эшләр тәмам әкьтагь
вә әбтәр, дим; / Иям баш сәждәгә: «Аллаһе хак! Аллаһе әкбар!», – дим

Душа становится чистой; читаю иман (здесь в значении молитвенных слов, выражающих преклонение перед Аллахом. – М. И.), обретаю истинную веру; / Испытываю наслаждение: освобождаюсь от тяжелого груза // Я говорю: Всевышний! Все твои запреты справедливы; / Молитвенно склоняя голову, говорю: “Аллах справедлив! Аллах велик” (Тукай, 2011, т. 1, с. 221).

⁷ Этимологический словарь татарского языка. 2015. URL: <http://suzlek.antat.ru> (дата обращения 14.10.2019).

Таким образом, исходя из общности темы и лирического события, стихотворения «Бер мән» и «Тээссер» могут быть выделены как произведения религиозной тематики с мотивом духовного преображения (очищения).

Приведенные примеры свидетельствуют о невозможности при составлении словаря мотивов лирики Г. Тукая ограничиваться лишь «ключевыми словами». Мотивы не должны выделяться только на основании лексических повторов: необходимо учитывать функционально-семантический характер повторяемости мотивов. Это предполагает мотивно-тематический анализ всех лирических стихотворений Г. Тукая, который в итоге позволит установить все семантические повторы отдельных мотивов.

Список литературы

Абдуллина Д. М. Габдулла Тукай ижатында Коръән мотивлары [Коранические мотивы в творчестве Габдуллы Тукая]. Казан, 2013. 190 б. (на татар. яз.)

Арабско-татарско-русский словарь заимствований. Казань: Татар. кн. изд-во, 1965. 854 с.

Ганиева Р. К. Сатирическое творчество Г. Тукая. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1964. 84 с.

Ганиева Р. К. Габдулла Тукай ижатында төрек мотивлары [Турецкие мотивы в творчестве Габдуллы Тукая] // Казан утлары, 2014. № 4. 132–138 б. (на татар. яз.)

Гаффаров М. А. Персидско-русский словарь: В 2 т. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1976. Т. 2.

Загидуллина Д. Ф. Основные мотивы в поэзии Габдуллы Тукая: отражение посвященной народу жизни // Научный Татарстан. 2011. № 2. С. 46–52.

Ибрагимов М. И. Трансформация поэтических мотивов в стихотворных пародиях Габдуллы Тукая // Актуальные проблемы современной фольклористики. Казань, 2018. С. 92–103.

Куделин А. Б. Мотив в традиционной арабской поэтике VIII–X вв. // Восточная поэтика. Специфика художественного образа. М.: Наука, 1983. С. 7–24.

Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1981. С. 290–312.

Потебня А. Мысль и язык // Потебня А. Теоретическая поэтика. М.: Высш. шк., 1990. С. 22–55.

Силантьев И. В. Лирический мотив в стихотворном и прозаическом тексте // Сибирский филологический журнал. 2009. № 2. С. 39–56.

Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы: Экспериментальное издание. 2-е изд., стереотип. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. Вып. 1. 243 с.

Смирнов А. В., Чалисова Н. Ю. Подражание восточным стихотворцам: встреча русской поэзии и арабо-персидской поэтики. URL: https://smimov.iph.ras.ru/win/publicn/texts/vstr_nd3.htm (дата обращения 14.10.2019).

Тукай Г. Стихотворения и поэмы. Автобиографическая проза / Пер. с татар. В. Думаевой-Валиевой. М.: Инсан, 2002. 160 с.

Тюна В. И. Словарь мотивов как научная проблема (на материале пушкинского творчества) // Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы: Экспериментальное издание. 2-е изд., стереотип. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. Вып. 1. С. 170–178.

Чумаков Ю. Н. В сторону лирического сюжета. URL: <http://yuriychumakov.ru/v-storonu-liricheskogo-syuzheta> (дата обращения 14.10.2019).

Этимологический словарь татарского языка. 2015. URL: <http://suzlek.antat.ru> (дата обращения 14.10.2019).

Юсупова Н. М. Система образов-символов в татарской поэзии первой половины XX века. Казань: Ихлас, 2018. 312 с.

Список источников

Бабич Ш. Зэнгәр жырлар: Шигырьләр, поэмалар, эмиграммалар, мәкаләләр, хатлар [Голубые песни: Стихи, поэмы, эпиграммы, статьи, письма]. Казан: Татар китап нәшр., 1990. 544 б. (на татар. яз.)

Тукай Г. Әсәрләр: 6 томда. Казан: Татар. китап нәшр., 2011. Т. 1. 407 б.; Т. 2. 384 б.; 2016. Т. 5. 415 б. (на татар. яз.)

M. I. Ibragimov

*Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
Kazan, Russian Federation*

Motifs in Gabdulla Tuqay's Lyric Poetry (On the Draft Dictionary-Index of Motifs)

The article is focused on the aspects of the lyrical motive theory connected with the project of the motives' index of Gabdulla Tuqay's lyric poetry. The conceptual provisions for the index are formulated on the basis of systematized works on the lyrical motive problem. The lyrical motif is considered as a theme-rematic unity based on the functional identity of the motif and the theme. When analyzing lyrical motifs, it is important to establish the contexts that determine their semantics: biographical, cultural-historical, literary (components of literary tradition (traditional images, motives, themes) and modern artistic and non-artistic texts).

These theoretical and methodological provisions are demonstrated by the example of the motivational analysis of Gabdulla Tuqay's poems, united by the theme of hope and hopelessness. It is established that poems in which the lyrical personage experiences a value crisis prevail among the works of this thematic group: "Omid" ("Hope", 1910), "Ozelgan Omid" ("Broken Hope", 1908), "Omidsezlek" ("Hopelessness", 1910). Semantic representations of the motive of hope and hopelessness in these poems by G. Tuqay are revealed. The factors influencing the semantics of this motif of his poetry are determined, the intertextual connections of the analyzed poems, biographical, cultural and historical contexts determining the semantics of the studied motif are analyzed.

The article raises the question of the influence of the Eastern poetic tradition and the principles of meaning formation typical for the Arab-Muslim culture on the semantics of G. Tuqay's lyrical motifs. In accordance with the special nature of the connection between word and meaning in Arab-Muslim Philology ("indication of meaning"), the analysis of G. Tuqay's poem "Ber Man" (1910) demonstrates the possibility of transition from the explicit content of the poem to the hidden meaning. The analysis let us determine the role of reminiscences for the meaning of the poem interpreted as a work about a transcendental event (G. Tuqay's poem "Poet and Khatif", Quranic reminiscence-quote from 107th ayat of the 21st Surah of the Quran). In "Ber Man" there is an actualization of the internal form of the word, in accordance with the etymological meaning of the word "man" (from Arabic "ma'na" – meaning), which gives reason to consider the change in the mental condition of the lyrical personage as a process of acquiring the once lost meaning.

At the same time, considering that G. Tuqay's poetic talent developed at the intersection of Tatar, Russian, and European literatures, it should be mentioned that it is inadmissible to absolutize the Eastern origin as the only one which determines the motives' semantics in the lyrics of the Tatar poet

Keywords: lyric motif, Gabdulla Tuqay, Tatar poetry, dictionary-index of motifs.

DOI 10.25205/2410-7883-2019-2-166-177

References

Abdullina D. M. Gabdulla Tuqay ıxatında Kor"ən motivlary [Motifes of the Qur'an in the works of Gabdullah Tuqay]. Kazan, 2013, 190 p. (in Tatar.)

Arabsko-tatarsko-russkiy slovar' zaimstvovaniy [Arabic-Tatar-Russian borrowing dictionary]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izd-vo, 1965, 854 p.

- Chumakov Yu. N. V storonu liricheskogo syuzheta [Towards a lyrical plot]. URL: <http://yuriychumakov.ru/v-storonu-liricheskogo-syuzheta> (accessed: 14.10.2019).
- Etimologicheskiy slovar' tatarskogo yazyka [Etymological dictionary of the Tatar language]. URL: <http://suzlek.antat.ru> (accessed: 14.10.2019).
- Gaffarov M. A. Persidsko-russkiy slovar' [Persian-Russian dictionary]. Moscow, Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1976.
- Ganieva R. K. Gabdulla Tuqay ıxatında terek motivlary [Turkish motifs in the work of Gabdulla Tuqay]. *Kazan utlary*, 2014, no. 4, p. 132–138. (in Tatar.)
- Ganieva R. K. Satiricheskoe tvorchestvo G. Tukaya [Satirical creativity of G. Tuqay]. Kazan, Kazan Uni. Press, 1964, 84 p. (in Russ.)
- Ibragimov M. I. Transformatsiya poeticheskikh motivov v stikhotvornyykh parodiyakh Gabdully Tukaya [Transformation of poetic motifs in parodies of Gabdulla Tuqay]. In: Aktual'nye problemy sovremennoy fol'kloristiki [Actual problems of modern folklore studies]. Kazan, 2018, p. 92–103. (in Russ.)
- Kudelin A. B. Motiv v traditsionnoy arabskoy poetike VIII–X vv. [Motif in traditional Arabic poetics 8th – 10th centuries]. In: Vostochnaya poetikka. Spetsifika khudozhestvennogo obraza [Oriental poetics. Specificity of the artistic image]. Moscow, Nauka, 1983, p. 7–24. (in Russ.)
- Lermontovskaya entsiklopediya [Lermontov encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1981, p. 290–312. (in Russ.)
- Potebnya A. Mysl' i yazyk [Thought and language]. In: Potebnya A. Teoreticheskaya poetika [Theoretical poetics]. Moscow, Vysshaya shkola, 1990, p. 22–55. (in Russ.)
- Silantev I. V. Liricheskiy motiv v stikhotvoonom i prozaicheskom tekste [Lyrical motif in poetic and prose text]. *Siberian Journal of Philology*, 2009, no. 2, p. 39–56. (in Russ.)
- Slovar'-ukazatel' syuzhetov i motivov russkoy literatury: Eksperimental'noe izdanie [Dictionary-index of the plot and motifs of russian literature: experimental edition]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2006, iss. 1, 243 p. (in Russ.)
- Smirnov A. V., Chalisova N. Yu. Podrazhanie vostochnym stikhotvortsam: vstrecha russkoy poezii i arabo-persidskoy poetiki [Imitation of oriental poets: meeting of Russian poetry and Arab-Persian poetics]. URL: https://smirnov.iph.ras.ru/win/publicn/texts/vstr_nd3.htm (accessed: 14.10.2019). (in Russ.)
- Tuqay G. Stikhtovoreniya i poemy. Avtobiograficheskaya proza [Verses and poems. Autobiographical prose]. Moscow, Insan, 2002, 160 p. (in Russ.)
- Tyupa V. I. Slovar' motivov kak nauchnaya problema (na materiale pushkinskogo tvorchestva) [Dictionary of motifs as a scientific problem (on the material of Pushkin's creativity)]. In: Slovar'-ukazatel' syuzhetov i motivov russkoy literatury: Eksperimental'noe izdanie [Dictionary-index of the plot and motifs of russian literature: experimental edition]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2006, iss. 1, p. 170–178. (in Russ.)
- Yusupova N. M. Sistema obrazov-simvolov v tatarskoy poezii pervoy poloviny XX veka [System of images-symbols in Tatar poetry of the first half of the 20th century]. Kazan, Ikhlas, 2018, 312 p. (in Russ.)
- Zagidullina D. F. Osnovnye motivy v poezii Gabdully Tukaya: otrazhenie posvyashchennoy narodu zhizni [The main motifs in the poetry of Gabdulla Tuqay: reflection of the life dedicated to the people]. *Nauchnyy Tatarstan*, 2011, no. 2, p. 46–52. (in Russ.)

List of Sources

- Babich Sh. Zəngər ǵyrlar: Shıǵyr'lər, poemalar, epigrammalar, məkalələr, khatlar [Blues songs: verses, poems, epigrams, articles, letters]. Kazan: Tatar. kitap nəshr., 1990, 544 p. (in Tatar.)
- Tuqay G. Əsərlər [Writings]. In 6 vols. Kazan, Tatar. kitap nəshr., 2011, vol. 1, 407 p.; vol. 2, 384 p.; 2016, vol. 5, 415 p. (in Tatar.)

Marsel I. Ibragimov – PhD in Philology, associate professor, head of the Department of Textual studies, Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (12 Karl Marx Str., Kazan, 420111, Russian Federation, mibragimov1000@mail.ru)